

Ж.-Ж. РУССО

**Общественный договор, или Начальные
основания политического права**

<отрывки>

Книга первая

Глава VI

О ДОГОВОРЕ ОБЩЕСТВЕННОМ

Я предполагаю людей дошедшими до такого состояния, где препятствия, вредящие их сохранению в естественном состоянии, преодолевают по причине своего сопротивления те силы, которые каждый не делимый может употреблять для поддержания себя в сем состоянии. Тогда сие первобытное состояние [не] может более существовать, и род человеческий бы погиб, если бы не переменял своего образа бытия.

И так поколику люди не могут произвести новых сил, но только могут соединять и употреблять те, которые находятся, то они не имеют более другого средства к сохранению себя, как разве составить чрез совокупность какое количество сил, которые бы могли преодолеть сопротивление, и привести сии силы в действие посредством одного двигателя, дабы согласно ими действовать.

Сие количество сил может родиться только от соединения многих: но сила и вольность всякого человека, будучи первыми орудиями его сохранения, каким образом допустили к сему соединению не повредя себе и не пренебрегая тех попечений,

которые он иметь о себе должен? Сию трудность, вошедшую в мою материю, можно объяснить сими словами:

«Надобно изобрести такой образ сообщества, который бы защищал и покровительствовал от всякия общия силы личность и имения каждого члена, вступающего в сообщество, и чрез который бы образ, всякой соединяющейся со всеми, повиновался только ему самому, и таким образом останется столько же вольным, как и прежде». Такое есть главное предложение, которое решится общественным договором.

Условия сего договора так сильно ограничены естественством действия, что малейшая перемена сделала бы их тщетными и недействительными. Почему хотя бы они, может быть, никогда не были формально выражены, но они повсюду одинаковы, повсюду тайным образом приемлются и признаются, так, что если бы будет нарушен договор общественный, то всякой человек входит тогда в свои первые права и возвращает естественную свою вольность, теряя вольность, основанную на условиях для которой он отрекся от вольности естественной.

Сии пространные условия все соединяются в одном, а именно: чтоб всякой человек в сообщество вступающий отдал себя совершенно со всеми своими правами целому обществу: ибо, во-первых, когда всякое человек отдает себя совершенно, тогда условие бывает для всех равно, а когда условие бывает для всех равно, то никто не имеет выгоды делать его тягостным для других.

Притом когда предание себя бывает без изъятия, то соединение бывает столько же совершенно, сколько оно может быть таковым, и никто из сочленов ничего не может уничтожить: ибо если бы остались некоторые права для частных людей якобы не было никакого общего высшего начальника, который может делать решения для них и для публики, то всякой человек, будучи некоторым образом собственным своим судьей, вздумал бы спор быть таковым над всеми, то состояние естественное существовало бы, а общежителство сделалось бы необходимо тиранством, или пустым.

Наконец, каждый отдавая себя всем, никому себя не отдает, и потому нет ни одного сообщника, над которым мы не приобретаем то же самое право, которое ему над собою уступили, то мы равномерно обязываем его всем тем, что мы теряем, а наипаче, чтобы сохранить то, что мы имеем.

И так если бы отдалить от общего договора то, что не относится к его сущности, то мы увидим, что сей договор

закключается в следующих словах. *Всякой из нас вообще самой себя и все свое могущество покоряет под верховное управление всеобщия воли; и мы приемлем в тело всякого члена яко часть неотдельную от целого.*

Тотчас на место частныя особы всякого договаривающагося сие действие присоединения себя к общему производит нравственное и собирательное тело, составленное из толиких членов, сколько собрание имеет голосов, которое получает от сего самого действия свое единство, свою общую самостоятельность, свою жизнь и свою волю. Сия общая особа, которая составляется таким образом чрез соединение всех других, принимала иногда наименование гражданства*, а ныне приемлет наименование республики или политического тела, которое названо по причине его членов *Государством*, когда оно бывает страдательным, *Самодержавием*, когда оно бывает деятельно, *Державою*, сравнивая его с его подобными. В рассуждении вступивших в общежительство, они приемлют собирательно наименование *народа* и называются в особенности гражданами, яко участники в верховной власти, и подданными, яко подлежащие законам государства, но сии слова часто смешиваются и берутся одно за другое; Довольно их уметь различать, когда они употребляются во всей своей точности.

* Истинный смысл сего слова почти совсем истреблен у нынешних. Большая часть почитает город за гражданство, а селянина за гражданина. Они не знают, что дома составляют город, а граждане составляют гражданство. Сие самое заблуждение было любезным некогда для карфагенцов. Я нигде не читал, чтобы титул граждан когда-либо было дано подданным какого ни есть государя, ни самым древним македонянам, ни нынешним англичанам, хотя они гораздо ближе к вольности, нежели все другие. Одни французы принимают обыкновенно сие наименование: граждане, потому что они об нем не имеют истинного понятия, как можно сие видеть в их словарях; а иначе, похищая его, были бы виновны в оскорблении величества, сие имя у них изображает одну добродетель, а не право, когда Бодин¹ хотел говорить о наших гражданах и менцанах, тогда он сделал глупую погрешность. Г. Даламберт² в оном не обманулся и умно рассудил в своем члене о Женеве на четыре чиносостояния людей (в пятом поставляя простых чужестранцев), которые находятся в нашем городе и из которых двух только членосостояний люди составляют республику. Никакой другой французской писатель, как я знаю, не понял истинного смысла сего слова: *гражданин*.

Книга вторая

Глава I

О ТОМ, ЧТО САМОДЕРЖАВИЕ ДРУГОМУ ОТДАНО БЫТЬ НЕ МОЖЕТ

Первое и самонужнейшее следствие начал прежде положенных есть то, что общая воля может одна распоряжаться силами Государства по концу своего установления, который есть общее благо: ибо если бы сопротивление частных выгод сделало необходимо нужным установление обществ, то согласование тех же выгод сделало его возможным. Общительность, находящаяся в сих различных выгодах, составляет общественный союз, и если бы не было некоторой точки, в которой все выгоды согласуются, то никакое бы общество не могло существовать и так по сей единственно общей выгоде общество должно быть управляемо.

Почему я сказал, что самодержавие будучи не иное что, как исполнение общия воли, не может быть никогда другому отдаваемо и что самодержец, который есть существо собирательное, может быть представляем только сам по себе; могущество очень может переходить к другому, но не воля.

В самой вещи если и возможно, чтобы частная воля согласовалась в некотором пункте с общею волею, то по крайней мере невозможно быть сему согласию твердым и постоянным, ибо частная воля стремится по своей природе к преимуществам, а общая воля к равенству. Гораздо еще невозможнее иметь поруку в сем согласии, хотя бы она всегда долженствовала быть. Сие бы не было действием искусства, но случая Самодержец очень может говорить: я хочу действительно того, чего хочет такой-то человек, или по крайней мере того, к чему он своими словами желание открывает; но он может сказать: чего сей человек завтра будет желать, то и я желать также буду. Понеже нелепое есть его дело, чтобы воля налагала на себя узы для будущего, и понеже ни от какой воли не зависит соглашаться на что-либо такое, что есть противно благу существа желающего. Следовательно, если народ обещается просто повиноваться, то он разрешается чрез сие действие, он теряет свое качество народа, в ту минуту, когда есть какой-либо Господин, не бывает уже самодержца, и с того времени политическое тело разрушено.

Это не означает того, якобы учреждения начальников не могли почитаемы быть за общие изволения, хотя самодержец, будучи волен сопротивляться им, не делает сего. В подобном случае при всеобщем молчании подобно думать, что народ имеет согласие. Я сие объясню гораздо пространнее.

Глава II

О ТОМ, ЧТО САМОДЕРЖАВИЕ ЕСТЬ НЕРАЗДЕЛЬНО

Поколикую самодержавие другому отдано быть не может, то оно по сей самой причине есть нераздельно, ибо воля есть всеобщая* или не всеобщая; она есть или всего тела народного, или только некоторой части. В первом случае сия воля объявленная есть действие самодержавия и закон: во втором случае она есть воля частная, или действие правительства, но целое определение большим числом людей сделанное.

Но наши политики, будучи не в силах разделить самодержавие в его начале, разделяют оное в его предмете. Они разделяют его на силу и на волю, на могущество законодательное и могущество исполнительное, на права податей, правосудия и войны, на внутреннее управление и на могущество договариваться с иностранцем. Иногда они смешивают все сии части, а иногда они их разделяют; они делают из самодержца мечтательное существо и составленное из относительных частей. Так как бы они составили человека из многих тел, из которых одно бы имело глаза, другое — руки, третье — ноги или другое что-либо. Сказывают, что шарлатаны японские (обманщики публичные), рассекая мальчика на части пред очами зрителей, бросают на воздух все его члены один подле другого и делают то, что сей мальчик упадет с веру живым и паки совершенно составившимся. Таковы суть точно плутовские обороты наших политиков; они, раздробивши на члены общественное тело

* Чтоб воля была всеобщая, не всегда нужно бывает, чтоб она была единодушна, но нужно только то, чтоб все голоса были изчислены; всякое формальное исключение разрывает общество.

посредством обмана, достойного продавать на ярмонке, составляя, не знаю каким образом, части.

Сие заблуждение происходит от того, что люди не сделали точных понятий о самодержавной власти, и от того, что приняли за части сея власти то, что было истечением из оныя. Таким образом, например, люди почитали действие объявлять войну и заключать мир действиями самодержавия, что в самой вещи не есть действие, относящееся к самодержавию; потому что всякое действие самодержавия не есть закон, но только приноровление к закону, действие частное, которое означает случай закона, так как мы увидим сие ясно, когда понятие о слове *закон* будет предложено.

Естьли рассмотреть также другие разделения, то бы мы нашли, что люди всегда обманываются, когда думают, что самодержавие разделено; что правда, которые принимают за части сего самодержавия, ему одному подчинены и предполагают всегда верховные изволения, которые исполнять права сии повелевают, не можно сказать, сколько сей недостаток точности затмил решения писателей о праве политическом, когда они хотели судить о правах, относящихся к царям и народам по тем началам, которые они установили. Всякой может видеть в главах 3 и 4 первых книги Гроция³, каким образом сей ученой и его переводчик Барбейрак⁴ путаются в своих софизмах, потому что опасаются об них говорить много или много говорить, но по своим видам, и нападают на те выгоды, которые согласить хотели. Гроций, убежавши во Францию, будучи недоволен своим отечеством и желая подбиться в милость у Лудвика XIII, которому свою книгу посвятил, чтоб лишить народ всех прав, и отдает их царям со всевозможным искусством. Такой же вкус имел и Барбейрак, посвятивший свой перевод Аглинскому Королю Георгию Первому⁵. Но злощастное изгнание Иакова Второго, которое он называет оставлением должности, принудило его держаться своих мыслей без изъятия, уклонился, избыть беды, дабы не сделать Вильгельма похитителем⁶. Естьли бы сии два писателя приняли истинны начала, то бы все трудности отъяты были и они бы были всегда справедливы; А естьли бы они с прискорбием говорили истину, то бы угождали только народу. Ибо истина не ведет к счастью, и народы не дают ни посольства, ни Архиерейства, ни пенсии.

Глава III

МОЖЕТ ЛИ ВСЕОБЩАЯ ВОЛЯ ПОГРЕШИТЬ

Из предыдущего следует, что всеобщая воля всегда бывает справедлива и всегда стремится к пользе общественной: но не следует, чтобы народные суждения имели всегда одинаковую правоту. Всегда желают своего блага, но не всегда его видят: никогда народ не развращают, но часто его обманывают, и тогда-то он точно, по-видимому, желает худого.

Но находится часто великое различие между волею всех и волею общею; воля всех смотрит только на выгоду общую; воля общая смотрит только на частную выгоду и не иное что есть, как сумма частных волей⁷; но отними от сих самых изволений, противоречущих между собою, известное количество*, то остается для сущности всеобщая воля.

Естьли бы когда народ уже и священный рассуждает⁹, граждане не имели никакого сношения между собою, то бы из множества малых разностей происходила всегда всеобщая воля и разсуждение всегда было бы хорошо.

Но иногда оно составляется из частных собраний с ущербом великого общества, тогда воля каждого человека из сих собраний делается общею относительно к государству; тогда сказать можно, что нет столько голосов, сколько людей, но единственно столько, сколько сих собраний. Различия уменьшаются, и постановления производят не всеобщее, наконец, когда одно из сих собраний бывает столь велико, что оно одерживает верх над всеми другими, то уже сие не будет решение малых разностей, но главная разность, тогда нет уже воли общей, и превышающее мнение не иное что есть, как мнение частное.

Следовательно, чтоб объяснить порядочно общую волю, надобно, чтоб не было частного общества в государстве и чтобы каждый гражданин располагал свои мнения по мнениям государства. Таково было единственное и высокое учреждение

* Всякая выгода, говорит Г. А.⁸, имеет различные начала. Согласование двух частных выгод производится через сопротивление выгоде третичной. Можно было присоединить, что соединение всех выгод составляется чрез сопротивление выгоде каждого. Естьли бы не было различных выгод, то вскоре бы почувствовали общую выгоду, которая никогда не находит препятствия: все бы само собой текло, и политика перестала бы быть коварством.

великого Ликурга. Если есть частные общества, то надобно умножить число оных и предупредить их неравенство, так как сделали Солон, Нума, Сервий¹⁰. Сии предосторожности суть одни хороши, чтобы общая воля всегда была — ясна, а чтобы народ не обманывался.

Глава IV

О ПРЕДЕЛАХ САМОДЕРЖАВНОЙ ВЛАСТИ

Если государство или гражданство не иное что есть, как нравственная особа, которая жизнь состоит в соединении ее членов, если самонужнейшее из ее попечений есть попечение о собственном ее сохранении, то надобно ей иметь всеобщую и побудительную силу, дабы приводить в движение всякую часть и располагать ее простейшим образом к целому. Как природа дарует всякому человеку совершенную власть над всеми его членами, так общественный договор дает политическому телу совершенную власть над всеми его членами, и сия-то самая власть, управляемая общею волею, называется, как я сказал, самодержавием. Но кроме общей особы нам надобно разсудить о частных особах, которые общую составляют и которых жизнь и вольность естественно от нее не зависят. Итак, надобно хорошенько отличать обоюдные оные права граждан и верховная власть* и те должности, которые исполнять обязаны первые в качестве подчиненных от естественного права, которым они должны наслаждаться в качестве людей.

Мы согласны, что все то, что каждый человек по договору общественному уделит от своего могущества, от своих имений, от своей вольности, составляет только часть того целого, которым пользоваться необходимо обществу, но надобно согласиться также, что верховная власть одна есть судия сей необходимости.

* Внимательные читатели, не спешите, я вас прошу, обвинять меня здесь в противоречии. Я не мог его избежать в словах по причине скудости языка, но помедлите.

Гражданин всеми услугами, какие только может оказать государству, должен ему бывает, коль скоро их потребует верховная власть, но она с своей стороны не может обременять подданных ничем, что бесполезно обществу, она не может даже желать бесполезного, ибо под благоразумным законом ничего не бывает без причины, равно как под законом естественным.

Обязательства, связующие нас с общественным телом, бывают обязательствами потому, что они бывают взаимны, и их таково естество, что, исполняя их, невозможно о других пещися без того, чтобы не пещися также и о самом себе. Почему всеобщая воля бывает всегда справедлива, и почему все желают постоянно благополучия для каждого из них, Естьли не потому, что нет ни одного человека, который не присвоил себе сего слова: каждый и который бы не мыслил о самом себе подавая голос для всех? Сие доказывает, что равенство права и понятие о правосудии, которое она производит, проистекает от того преимущества, которое каждый себе приписывает, и, следовательно, из естества человека, что общая воля, дабы ей быть истинно таковою, должно быть таковою в своем предмете, так как в своей сущности, что она должна производиться от всех, дабы приноровить себя ко всем, и что она теряет свою естественную правоту, когда она стремится к какому-либо нераздельному и ограниченному предмету; Потому что мы судя тогда о том, что для нас чуждо, никакого не имея истинного начала справедливости, нами управляющей.

В самой вещи, коль скоро дело идет о частном праве, о таком предмете, который не был постановлен всеобщим и предварительным согласием, то дело бывает спорным. Что есть тяжба, где частные люди, корысти своей ищущие, держатся одной стороны, а общество другой; но где я не вижу ни закона, которому надобно последовать, ни судии, который должен делать решение. Смешно было бы в таком случае делать точное определение общей воли, которая может быть только заключением одной стороны и которая по сему для другой стороны не иное что есть, как если посторонняя, частная, устремленная в сем случае к неправосудию и подверженная заблуждению. И так поколику частная воля не может представлять общей воли, то общая воля по своей чреде переменяет естество, имея предмет частный, и не может, яко общая воля, произносить решения ни в рассуждении человека, ни в рассуждении дела. Когда народ афинский, например, назначал на должности своих начальников, определял одному почести, а на другого

возлагал казни и чрез множество частных определений без различия отправлял все действия правительства, тогда народ не имел уже общей воли в собственном смысле; он не действовал уже яко самодержец, но яко правитель.

Сие покажется противным общим понятиям; но надобно мне оставить время для предложения своих понятий.

Из сего должно понимать, что волю делает общию не столько число голосов, сколько общая польза, которая оные соединяет: ибо в сем установлении каждый необходимо покоряется тем условиям, которые он возлагает на других, удивительное согласие между пользою и правосудием дает общим суждениям свойство справедливости, которое очевидным образом пропадает в разбирательстве всякого частного дела, когда погрешают в общей выгоде, которая бы соединяла и одинаковым делала правило судии с правилом частным.

С какой стороны ни доходит до начала, всегда достигнем до одинакового заключения; а именно что общественный договор полагает между гражданами такое равенство, что они обязаны все одинаковыми условиями и должны наслаждаться одинаковыми правами. Таким образом по естественному договору всякое действие самодержавия, то есть всякое подлинное действие общия воли, равно всех граждан обязывает и покровительствует так, чтобы верховная власть знала только тело народа и не отметала бы никого из составляющих оное. Что ж есть действие самодержавия в собственном смысле? Оно не есть договор вышшаго с нижшим, но договор тела с каждым его членом, договор законный, потому что он имеет за основание договор общественный, справедливый, потому что он есть общий для всех, полезный, потому что он не может иметь другого предмета, кроме блага общего, и твердое¹¹, потому что он имеет вместо поруки общественную силу и верховную власть. Пока подданные подчинены бывают таковым условиям, то они не повинуются никому, но только собственной своей воле; и спрашивать о том, доколе простираться¹² взаимные права верховная власти и граждан, значит спрашивать, до какой степени граждане могут обязаться между собою, каждый со всеми и все с каждым.

Из сего явствует, что хотя власть верховная есть беспредельна, совершенно священна, совершенно не нарушима, однако она не преступает и не может преступить пределов всеобщих условий, и что всякой человек может располагать совершенно своими именьями и своею вольностию по сим условиям, так что верховная власть не имеет никакого права обременять од-

ного подданного более, нежели другого: ибо сия власть не имеет уже права вступать в то дело, которое было тогда частным.

Естьли сии отличия допустить единожды, то столько же несправедливо бывает то, чтобы в договоре общественном со стороны частных людей находилось какое-либо истинное отречение, сколько их положение, по действию сего договора, существенное бывает предпочтительным тому, чем оно было прежде, и что они вместо отдачи своея собственности с пользою променяли не известный образ своей жизни на другой образ жизни, гораздо лучший и безопасный, естественную независимость на вольность, силу вредить другому на собственную свою безопасность, а свою силу, которую бы другие могли одолеть, на то право, которое чрез общественное соединение делается непобедимым. Самая их жизнь, которую они посвятили государству, оным беспрерывно покровительствуемая, и когда они ее полагают для защиты оного, то что другое когда они делают, как не возвращают ему то, что от него получили. Что они делают такое, что бы они не делали гораздо чаще с большим вредом в состоянии естественном, производя неизбежные сражения для защищения своей жизни и всего того, что им служило к сохранению ея? Все должны сражаться по необходимости за отечество, это правда; но также никто не должен никогда сражаться за себя. Для нашея безопасности не обязали мы еще вдаваться в некоторые опасности, в которыя бы надлежало нам вдаваться для самих себя, коль скоро бы сия безопасность от нас была отнята?

Книга вторая

Глава VIII

О НАРОДЕ

Подобно как архитектор, прежде нежели воздвигнет великое здание, наблюдает и испытывает основание, дабы увидеть, может ли оно поддержать сего здания тягость, таким образом мудрый законодатель не начинает сперва издавать хорошие в самих себе законы; но испытывает прежде народ, для которого он хочет их издать, может ли их переносить. Для сего-то

Платон отказался дать законы Аркадианцам и Киринейцам¹³, зная, что сии два народа были богаты и не могли терпеть равенства: для сего-то в Крите видны хорошие законы, порочные люди; понеже Минос научал только один народ, обремененный пороками¹⁴.

Многие славные народы были, которые никогда не могли терпеть хороших законов, и те самые законы, которые у них находились, по сему самому очень краткое время существовали. Народы так, как люди способны бывают к переменчивости только в своей молодости, они делаются неисправными в старости; когда обыкновения единожды бывают установлены и предрассудки укоренены, то желать исправить их есть предприятие опасное и тщетное; народ не может даже терпеть того, чтобы касались к его бедствиям для разрушения их. Он подобен тем глупым и слабым больным, которые содрагаются при едином взоре на лекаря.

Подобно как некоторые болезни переменяют все понятия в голове людей и отъемлют у них воспоминание о прошедшем, таким образом находятся иногда в продолжении государства такие сильные эпохи, где перемены производят в народах то, что некоторые переломы болезненные производят в неделимых, где ужас, происходящий от прошедшего, заступает место забвения и где государство, будучи объято гражданскими войнами, возрождается, так сказать, из своего пепла и получает бодрость юношескую, выходя из объятий смерти. Такова была Спарта во время Ликурга, таков был Рим при Тарквинии¹⁵; и таковы были между нами Голландия и Швеция по изгнании Тираннов¹⁶.

Но сии произшествия случаются редко, они суть такие изъятия, которых причина всегда находится в частном постановлении изъятого государства. Они не могут даже случиться два раза у одного народа, ибо он может сделаться больным, пока еще бывает грубым, но он не может уже сделаться вольным, тогда когда гражданская пружина употреблена бывает. Тогда возмущения могут его разрушить, хотя бы перемены не могли восстановить его, и коль скоро его оковы бывают расторгнуты, то он рассеивается и не существует более; ему тогда потребен начальник, а не освободитель. Вольные народы! Помните сие правило: можно приобрести вольность; но ее никогда опять не находят.

Бывает для народов, равно как для людей, время зрелости, но ей надобно ожидать прежде покорения их законом; но зрелость народа не всегда можно узнать, а естли ее пред-

видят, то дело бывает недостаточно. Один народ переменчив бывает в начале, другой не бывает таковым при конце десяти веков. Россияне никогда не будут истинно просвещены, потому что они очень рано были таковыми. Петр Великий имел разум подражательный; он не имел истинного разума такого, который все произвел и составил из ничего, некоторые его хорошие дела были не к месту. Он видел, что его народ находился в невежестве, но не видел того, что он еще не созрел, чтобы сделать его благоустроенным; он хотел его просветить, когда бы только надлежало его исцелить. Он хотел тотчас его сделать Немцами, Англичанами, когда бы надлежало ему сперва сделать его Россиянами; он воспрепятствовал своим подданным быть некогда тем, чем бы могли они быть, уверяя их, что они уже были таковыми, каковыми они в самой вещи не суть. Таким образом Французский учитель воспитанника своего делает, чтобы блеснуть ему на минуту в его младенчестве с тем, чтобы после быть ему ничем. Российская империя захочет покорить Европу, и будет сама покорена. Татары, ея подданные и ея соседы, сделаются ея начальниками и нашими: сия перемена для меня кажется непреложною. Все Короли Европейские стараются споспешествовать сему согласно.

Книга третья

Глава XVI

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА НЕ ЕСТЬ ДОГОВОР

Если законодательная власть единожды хорошо установлена, то надобно установить также власть исполнительную; ибо сия последняя, которая силу имеет только по частным действиям, поколику неодинаковой сущности с другой, то она естественно бывает отдельна от оной. Если бы возможно было, чтобы самодержец, взятый в самом себе, имел исполнительную власть, то бы право и действие так были смешаны, что нельзя бы было узнать, что такое есть закон и что такое не есть закон, и политическое тело, таким образом обезображенное, вскоре бы сделалось подверженным насилию, против которого оно было установлено.

Поколикую граждане все равны по общественному договору, то все то, что все должны делать, все могут предписывать; напротив, никто не имеет права требовать, чтобы другой делал то, чего он сам не делает. Так самое существенное и необходимо нужное есть сие право, чтобы оживлять и приводить в деятельность политическое тело, которое самодержец препоручает начальнику, установляя правительство.

Многия думали, что действие сего установления было договором между народом и начальниками, которых он над собой поставляет; договором, чрез который полагали между двумя частями такие условия, что одна часть обяза[на] повелевать, а другая повиноваться. Согласятся, я уверен, что это странный образ договора, но посмотрим, можно ли защищать сие мнение.

Во-первых, верховная власть не может переменяться, равно как лишить прав своих, ограничивать ее — значит уничтожить ее. Очень нелепо и противно, чтобы самодержец был хищником; обязать себя к повиновению начальнику — значит восстановить совершенную свою вольность.

Кроме того, известно, что сей договор народа с такими или такими особами был бы действием частным. Откуда следует, что сей договор не мог бы быть ни законом, ни действием самодержавия, и следовательно действием правильным.

Еще видно, что договаривающиеся стороны были бы между собой под одним законом природы и под каким-нибудь порукою их взаимных обязательств¹⁷, что противно по всему состоянию гражданскому, тот, кто имеет силу в руках, всегда, будучи начальником над исполнением; хотел бы также называть договором действие того человека, который бы говорил другому: «я вам отдаю все мое благо с тем условием, что вы мне за него воздайте то, что вам угодно будет».

В Государстве договор есть договор общежития; и сей один договор исключает из него всякий другой договор. Не можно вообразить никакого другого общественного договора, который не был бы нарушением первого.

